

УДК 338.17(471)

А.И. Зарытовская, Е.А. Зарытовская

ЗЕМЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РОССИИ: ИСТОРИКО-ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В последние пятнадцать лет в России сложилась такая ситуация, что государство и общество оказались не в состоянии использовать в полном объеме ценнейшее национальное богатство страны – земельные ресурсы, точнее сельскохозяйственные угодья, в целях получения продовольствия и сырья в количестве, достаточном для максимального удовлетворения потребностей населения и промышленности за счет собственного производства. Миллионы гектаров пашни, сенокосов, пастбищ и многолетних насаждений остаются неиспользуемыми, не будучи выведенными из сельскохозяйственного оборота. Это приводит, на наш взгляд, к огромным экономическим потерям для страны, к понижению благосостояния народа (и не только в сельской местности) и является одной из острых, злободневных проблем развития российской экономики на том основании, что решить проблему возврата неиспользуемых в настоящее время сельскохозяйственных угодий только силами самого сельского хозяйства невозможно. Требуется коренное изменение государственной аграрной политики, в том числе восстановление почти полностью утраченной государством регулирующей роли в обеспечении сельского хозяйства финансовыми и материальными ресурсами, в поддержании эквивалентного обмена между городом и селом, в проведении наиболее благоприятной для отрасли финансовой, ценовой, налоговой и таможенной политики. Если смотреть на эту проблему не только с точки зрения эффективности самого сельского хозяйства, а с общенациональных интересов, тогда мы должны во что бы то ни стало вернуть каждый клочок неиспользуемой ныне

земли для увеличения производства сельскохозяйственной продукции. В первой половине 90 гг. мы имели уже такое феноменальное явление, когда вдоль железных дорог на десятки км от Москвы между полотном и лесными полосами можно было видеть участки земли, на которых горожане выращивали овощи и картофель. Так они пытались хотя бы частично обеспечить себя необходимыми продуктами питания. Сейчас в этих намерениях отпала надобность, в связи с поступлением большого количества импортного продовольствия. Но проблема наращивания собственного производства продовольствия остается по-прежнему очень острой.

Вместе с тем, в научной географической литературе высказывается и другая точка зрения о «неизбежности сжатия аграрного пространства» (более того, экономического пространства вообще). Для ее обоснования приводятся доводы о том, что «... слишком велика наша холодная страна с редкими большими городами и малопригодными для сельского хозяйства территориями, которые ей не под силу обустроить. Концентрация агропроизводства в благоприятных по природным условиям районам в перспективе неизбежна.» и далее» ... Чего России не избежать, так это дальнейшего сокращения численности сельского населения и площади сельскохозяйственных угодий в периферийных районах субъектов Федерации, расположенных в нечерноземной и сухостепной полосе. Сжатие аграрного пространства – следствие постепенного свертывания деятельности землеемких убыточных коллективных предприятий. Безуспешные попытки многолетней поддержки расположен-

ных в «глубинке» убыточных колхозов и совхозов в советское время это только подтверждают» [4, с. 55].

К таким выводам автор процитированной статьи приходит на основании исследования пространственных различий в деятельности коллективных предприятий Европейской России по 1400 внутриобластным административным районам, в результате которого были выделены пять групп районов: «безнадежные» и «проблемные», названные «черными дырами», «лидеры» и «перспективные» – опорные ареалы и «средняки». «Безнадежные» районы занимают 31% территории Европейской России (без крайнего севера) и концентрируют 17% сельского населения, проблемные районы – соответственно 21% и 15%. Фактический коллапс общественного сектора сельского хозяйства наблюдается почти на половине территории Европейской России, где проживает треть населения» [4, с. 49].

Кроме того, обозначены пять ареалов сгущения «проблемных» и «безнадежных» районов. Это северо-запад и северо-восток нечерноземной зоны, обширная широтная полоса сельских районов от Брянской и частично Курской до Оренбургской областей (находится на стыке лесной и лесостепной зон), сухостепной «перешеек», включающий части Ростовской, Волгоградской, Саратовской областей и Калмыкии, и пятый ареал – республики Северного Кавказа (кроме Кабардино-Балкарии) [4, с. 49-50]. В числе «лидеров» оказались всего 42 района из 1400, занимающих 2% территории и 8% проживающего здесь сельского населения, «продвинутых» или «перспективных» – около четверти; они занимают 19% территории и в них сосредоточено 30% сельского населения. Обе эти группы составляют основной опорный каркас общественного агропроизводства, а вместе с «средняками» формируют поле его относительной устойчивости. В основном они находятся на юге Европейской России, частично – в Нечерноземье, в пригородах или их соседях второго – третьего порядка [4, с. 50].

Мы подробно процитировали указанную работу для того, чтобы предметно вести даль-

нейший разговор по теме настоящей статьи. При этом нами не подвергается ни малейшему сомнению глубина, точность и корректность проведенных Т.Г. Нефедовой расчетов и анализа пространственных различий в организации сельского хозяйства Европейской России, использование для этого показателей: урожайность зерновых культур, продуктивность скота (надой молока от одной коровы) и динамика поголовья крупного рогатого скота в общественном секторе сельского хозяйства. Некоторое несогласие вызывают лишь мысли о неизбежности дальнейшего сокращения сельскохозяйственных угодий и сжатии аграрного пространства.

Проблема полного использования освоенных русским и другими народами в течение столетий сельскохозяйственных земель, как в европейской, так и в азиатских частях страны помимо экономического, социального, носит и геополитический характер. Мы не обеспечиваем себя продовольствием за счет собственного производства, поэтому закупаем его за границей, причем в значительных объемах. Зададимся вопросом: разве разумно сохранять и дальше эту тенденцию, импортируя в страну продукты питания, нередко, к тому же, уступающих отечественным по качеству, в том числе и степени экологичности? А что дальше? Мы по-прежнему будем надеяться на то, что другие страны и впредь будут «кормить» нас, а мы за это продолжим продажу наших невозобновимых природных богатств – естественного газа, нефти и др.? В таком случае, что же выгоднее: самим обрабатывать землю или распродавать истощаемые национальные богатства? Ответ не вызывает сомнений. С учетом участия в международном разделении труда Россия может и должна покупать зарубежом продукты субтропического и тропического климата, но при этом в достаточном количестве производить у себя растениеводческую и животноводческую продукцию умеренного пояса и даже не только для себя, но и частично на экспорт.

В связи с этим, зададимся вопросом, почему же западные страны делают все возможное для развития собственного аграрного произ-

водства? Почему они, например, в Европейском союзе приложили все усилия к тому, чтобы переломить ситуацию (начиная с 60-х гг.) по самообеспечению продовольствием? И им это удалось сделать; более того, они осуществляют экспорт пищевой продукции, вместе с США все больше и больше захватывая мировой рынок. При этом они делают все возможное для удержания России в качестве емкого рынка сбыта продовольственных товаров, что уже нанесло огромный урон всему нашему агропромышленному комплексу, а им приносит больше выгоды.

Нам необходимо осознать, что сельское хозяйство – не второстепенная отрасль экономики, что поставленная задача удвоения валового внутреннего продукта в ближайшие годы не может быть решена без коренного изменения в аграрной сфере. Это станет возможным в том случае, если мы гораздо больше средств, чем теперь, получаемых от эксплуатации минерально-сырьевых ресурсов страны, будем направлять прежде всего на решение широкого круга проблем, накопившихся в сельскохозяйственном производстве.

До 1990 г. вся освоенная в стране земля обрабатывалась, хотя и имело место изъятие из сельскохозяйственного оборота части угодий, в том числе и пашни, для промышленного, гражданского строительства и транспорта. Поэтому высказывание Т.Г. Нефедовой о том, что «... многие предприятия содержали и содержат гораздо больше земель, чем могут обработать...» является более справедливым по отношению к 90 гг., «... и больше скота, чем в состоянии прокормить» – для предшествующего 90 гг. периода. Страна прибегала к импорту кормов, прежде всего, фуражного зерна. Но ведь совершенно ясно, что гораздо выгоднее было развивать животноводство даже на привозных кормах, чем завозить в страну в огромных объемах мяса, масла, сухого молока, сыров и т.д., начало которому было положено в первой половине 90 гг. с реформированием экономики, с реорганизацией в 1992-1993 гг. колхозов и совхозов. Что же касается «... многолетней поддержки убыточных хозяйств, которые в подлинно рыночных условиях не мог-

ли бы существовать и которая способствовала консервации обширной зоны экономически слабого хозяйства» [4, с. 45], то она имеет место в абсолютном большинстве экономически развитых стран, включая США, в тех или иных формах, в том числе с помощью государственной протекционистской таможенной политики, регулирования цен (установление их паритета) на сельскохозяйственную продукцию и средства ее производства и т.д. «Сжатие аграрного пространства – следствие постепенного свертывания деятельности земельных убыточных коллективных предприятий» [4, с. 55]. Этого необходимо избегать любой ценой. Разорение колхозов, совхозов, госхозов, межхозов в 90 гг. резко осложнило социальное положение сельского населения, оставило без работы массу тружеников, усугубив тем самым негативные явления в их жизни. Свертывание деятельности неэффективных в настоящее время коллективных предприятий может обернуться еще более тяжелыми последствиями, чем объявление в 60 гг. XX в. «неперспективными» тысячи сел и деревень, ускорив их вымирание. Сжатие аграрного пространства можно в определенной мере расценивать и как «геополитическое сжатие». Особенно тяжелые последствия оно может иметь для юга Сибири и Дальнего Востока, а также и юга Европейской части страны, подвергающихся «демографической агрессии» со стороны Китая, Северной Кореи и других соседних стран, «Так, на Ставрополье проживают нелегально 60 тыс. армян, приехавших из Армении на заработки и постоянное место жительства» [2, с. 71]. Тоже можно сказать о Краснодарском крае и некоторых других южных регионах страны. Последствия такого явления очень хорошо видны на примере Югославского Косово, когда приток сюда албанского населения обернулся массовым изгнанием с этих мест сербов, сопровождающемся кровопролитием.

Мы согласны с отечественными экономико-географами, занимавшимися территориальными проблемами сельского хозяйства (А.Н. Ракитников, К.И. Иванов, В.Г. Крючков и др.), которые большое значение придавали эффективности использования земель, получе-

ния дохода, или земельной ренты. В условиях рыночной экономики значимость этого фактора повышается и может стать решающей, если не учитывать общенациональные интересы страны. Но прежде чем говорить о необходимости свертывания производственной деятельности убыточных сельскохозяйственных предприятий, очень важен детальный анализ причин их убыточности. Во второй половине 90 гг., действительно, большинство реорганизованных хозяйств общественного сектора были убыточными. Но в этом была не только их вина. Они не могли сразу приспособиться к новым условиям хозяйствования. Нерентабельность их работы в огромной мере обуславливалась ошибками в проводимой ценовой и аграрной политике в целом, в результате которой сельское хозяйство, да и само сельское население были брошены на произвол судьбы.

Неравноправное положение сельхозтоваропроизводителей имеет место и в рамках самого агропромышленного комплекса, особенно с переработчиками сельскохозяйственной продукции, занижающими цены на поставляемое им сырье, что оборачивается для коллективных хозяйств серьезными убытками и по этой причине. Ярким примером этого может служить сложившаяся в 2003 г. ситуация в свеклосахарном комплексе Воронежской области, когда из богатого валового сбора – 3,3 млн. т погибло 300 тыс. т сахарной свеклы как на сахарных заводах, так и в свеклосеющих хозяйствах, не сумевших доставить ее вовремя на переработку. И это произошло в то время, когда Россия импортирует большое количество сахара. Причина нам видится в том, что продуктовых подкомплексах все еще не сформировались рыночные взаимовыгодные отношения, учитывающие качество сырья и затраты на его производство и транспортировку, а следовательно цены на него и соответствующее распределение прибыли. Вот почему на основании убыточности работы сельскохозяйственных предприятий мы не должны свертывать их деятельность, сжимая аграрное пространство. Тем более, что, начиная с 1999 г., число убыточных коллективных хозяйств начинает сокращаться. Это обусловлено тем, что страна

постепенно выходит из экономического кризиса, что благотворно сказывается и на сельском хозяйстве. Есть обнадеживающие факты преодоления тяжелых последствий переходного периода от социалистической плановой экономики к рыночной, вступающего по некоторым признакам в завершающую стадию формирования рыночных отношений. Следовательно, возникают объективные предпосылки для изменения подходов к сельскохозяйственному использованию земельных ресурсов, в том числе внутри самих коллективных предприятий.

Да, биоклиматический потенциал в России существенно ниже, чем, например, в США и в странах Западной Европы. Действительно, на значительной части используемых в сельскохозяйственном производстве земель ощущается либо недостаток тепла, либо недостаток влаги, и это, по данным ученых, составляет большую площадь освоенных для земледелия и животноводства угодий. На остальной части имеет место неустойчивость климатических условий для ведения сельского хозяйства. Но у нас только эта земля, кстати, с самыми лучшими в мире почвами, черноземами (правда, частично утратившими плодородие [6, с. 5]), на которых располагается 42,9% сельскохозяйственных угодий и 52,6% пашни [7, с. 14]. А всего эти категории земель составляют не такую уж большую величину – соответственно 13% и 7,7% от общей земельной площади страны [3, с. 6] и если мы изыдем из сельскохозяйственного оборота почти половину территории Европейской России, используемую для получения продовольствия и сырья, на которой находятся «черные дыры» (безнадежные) и «проблемные» районы), это подорвет экономическую мощь государства. Только относительно благоприятные по почвенно-климатическим условиям для сельского хозяйства регионы не смогут прокормить страну, даже если резко поднять в них уровень интенсивности земледелия и животноводства. К тому же, сделать это в кратчайшие сроки не представляется возможным. Значит, нужно сохранить находящиеся в обороте и восстановить заброшенные сельскохозяйственные угодья, названные ин-

тересным термином «кормящий ландшафт», что возможно только при всесторонней помощи государства.

Неслучайно, вопрос о земле всегда был и остается центральным во всех проводившихся когда-либо в России аграрных реформах. Его значимость определяется, как известно, ведущей ролью земельных ресурсов в сельском хозяйстве, где они выступают в качестве основного средства производства. В то же время земля является базисом расселения людей и размещения производительных сил. Выдающийся отечественный историк В.О. Ключевский выделял периоды русской истории как главные моменты колонизации, народные передвижения по равнине, как этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны, как ряд привалов и стоянок, которыми прерывалось движение русского народа на равнине и на каждой из которых наше общежитие устроилось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке [1, с. 51].

Наличие и использование земель вместе со складывавшимися общественными отношениями великий русский ученый считал господствующим фактом политической и экономической жизни каждого выделенного им периода. С VIII по XIII вв., когда, по мнению историка, масса русского населения сосредоточивалась на среднем и верхнем Днепре с его притоками и с его историческим водным продолжением – линией Ловать-Волхов, господствующим политическим фактом периода было политическое дробление земли под руководством городов, экономическим – внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством (лесным пчеловодством). Это Русь Днепропетровская, городская, торговая [1, с. 51]. С XIII до середины XV в. главная масса русского населения является на верхней Волге с ее притоками. Господствующий политический факт периода по Ключевскому – удельное дробление Верхневолжской Руси под властью князей, экономический – сельскохозяйственная, т.е. земельная эксплуатация алаунского суглинка посредством вольного крестьянского труда. Это

Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая [1, с. 51-52].

Последующий период с половины XV до второго десятилетия XVIII в. В.О. Ключевский называет Русь Великой, Московской, царско-боярской, военно-земледельческой, «... Главная масса русского населения из областей верхней Волги растекается на юг и восток по донскому и средневожскому чернозему, образуя особую ветвь народа – Великороссию, которая вместе с населением расширяется за пределы Верхнего Поволжья...». И далее «...Итак, господствующий политический факт периода – государственное объединение Великороссии. Господствующим фактом жизни экономической остается сельскохозяйственная разработка старого верхневолжского суглинка и новозанятого средневожского и донского чернозема посредством вольного крестьянского труда; но его воля начинает уже стесняться по мере сосредоточения земледелия в руках служивого сословия, военного класса, вербуемого государством для внешней обороны» [1, с. 52]. «...С начала XVII до середины XIX в. русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Черного, до Кавказского хребта, Каспия и Урала и даже проникает на юг и восток далеко за Кавказ, Каспий и Урал. Политически все почти части русской народности соединяются под одной властью: к Великороссии примыкают одна за другой Малороссия, Белоруссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю. ...Это политическое собиранье и объединение частей Русской земли и есть господствующий факт периода. Основным фактом экономической жизни остается земледельческий труд, окончательно ставший крепостным, к которому присоединяется обрабатывающая промышленность, фабричная и заводская. Это период всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского» [1, с. 52-53].

Из процитированных высказываний мы видим у выдающегося отечественного историка неразделимость политического и экономического подхода в освоении земель и развитии Русского государства. Русский народ сумел

освоить для сельскохозяйственного производства огромные просторы страны, используя для этого очень простые средства производства. При современном уровне развития производительных сил, науки и техники вполне возможно использовать эти земли по прямому назначению, если государство окажет всемерную поддержку сельскому хозяйству, ориентируясь на принцип социальной справедливости, социальной направленности хозяйственных решений, социальной результативности, которые должны быть приоритетными в сравнении с экономической эффективностью [цит. по 5, с. 45]. Может быть эта мысль не является бесспорной, но при современном тяжелом положении аграрного сектора, почти полном истощении всех внутренних его ресурсов возрождения помощь извне совершенно необходима.

В настоящее время сельское хозяйство России носит многоукладный характер. В начале текущего века на первое место в производстве целого ряда важнейших видов сельскохозяйственной продукции вышли личные подсобные хозяйства населения. В совокупности с фермерскими хозяйствами они превосходят общие объемы производства в коллективных сельскохозяйственных предприятиях. С учетом этого сектора будут несколько иначе выглядеть все пять групп названных выше районов. Следовательно, появляются дополнительные основания для того, чтобы не считать «безнадежными» и «проблемными» огромные территории. В пользу этого свидетельствует за-

рождающееся предпринимательство на селе. «Эволюционный путь превращения крестьян в предпринимателей-фермеров требует времени, но, как показала мировая история, его следует считать наименее болезненным для деревни и в конечном итоге оптимальным» [5, с. 47]. А для России укрепление ее экономической мощи в значительной мере связано с подъемом сельского хозяйства, в том числе и за счет полного использования всех сельскохозяйственных угодий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключевский В.О. Сочинения: 9 т. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1, ч. 1. – 630 с.
2. Комлева Н.А. Геополитическое сжатие / Н.А. Комлева // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – №2. – С. 66-75.
3. Земельные ресурсы России. Государственный (национальный) доклад и состоянии и использовании земель Российской Федерации // Международный сельскохозяйственный журнал. – 1994. – №2. – С. 5-13.
4. Нефедова Т.Г. Пространственная организация сельского хозяйства Европейской России / Т.Г. Нефедова // Изв. АН. Сер. геогр. – 2003. – №5. – С. 43-56.
5. Пуляркин В.А. Умеренный консерватизм – основа жизнеспособности традиционного сельского хозяйства / В.А. Пуляркин // Изв. АН. Сер. геогр. – 2003. – №2. – С. 43-48.
6. Федотов В.И. Структурные блоки региональной модели устойчивого эколого-экономического развития Центрального Черноземья / В.И. Федотов, С.А. Куролап, Ю.А. Нестеров // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. География и геоэкология. – 2003. – С. 5-14.
7. Современное состояние почвенного покрова России и основные причины его деградации / А. Яковлев [и др.] // Международный сельскохозяйственный журнал. – 1994. – №2. – С. 13-24.

УДК 551.435.8(470.32)

В.Б. Михно

РАЙОНИРОВАНИЕ КАРСТА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

ПРИНЦИПЫ РАЙОНИРОВАНИЯ КАРСТА

Развитие карста в ЦЧО предопределено наличием близко залегающих к поверхности и обнажающихся карбонатных горных пород: известняка, мела, мергеля, доломита. Особенно значительны по площади и мощности мас-

сивы верхнедевонских известняков и меломергельных пород верхнемелового возраста, закарстованность которых на отдельных участках исключительно велика. Интенсивному развитию карста способствуют благоприятные для этого процесса физико-географические условия и антропогенные факторы.